

Соображения рядового психолога

Источник: Вопросы философии. 1953. № 3. С. 177–179.

Психические процессы являются определенной, особой деятельностью живого организма. Они имеют особый характер, свои жизненные задачи, свою специфику. Любой психический акт включает в себя множество физиологических процессов, то есть осуществляется при условии протекания нервных процессов, но его сущность не исчерпывается особенностями нервных процессов, из которых он состоит. Нельзя тот или иной психический процесс описывать с помощью терминов, относящихся к физиологии, не рискуя проглядеть его основные (то есть специфические) особенности, как нельзя физиологический процесс свести к химическим реакциям, вне которых, однако, немислим ни один физиологический процесс. Физиологи постоянно пользуются понятиями, которые не могут быть выражены терминами химии, как то: возбуждение, торможение, индукция и прочие. И они, конечно, имеют на это право. Известно, что в адрес учения Павлова об условных рефлексах делались упреки, что это, мол, не физиология, так как оно не примыкает к физико-химическому направлению (см.: *Ф. П. Майоров*. История умении об условных рефлексах, стр. 13–14. 1948). Но Павлов, безусловно, прав и в этом случае, так как вовсе нет надобности (и, что еще важнее, нет возможности) физиологические понятия выражать на языке химии.

Однако отдельные физиологи совершают большую ошибку, пытаясь навязать психологии свои понятия и желая заменить ими психологические. В одинаковой степени нельзя сводить ни физиологию к химии, ни психологию к физиологии. Психолог, подобно физиологу, должен исходить [177] из фактов своей области, анализировать и обобщать их, сопоставлять с другими, находить закономерности и вырабатывать научные понятия, на которые имеет право каждая наука. Преимущество физиологов перед психологами не в том, что физиология способна вырабатывать научные понятия, а психология не может этого делать, а в том, что физиологи всегда серьезно относились к выработке своих понятий, в то время как психологи в подавляющем большинстве не шли дальше «словесности». Ни это совсем не означает, что психология вообще не сумеет выйти из тупика и стать подлинной наукой.

Разумеется, никакой психический процесс не может протекать без участия нервных процессов, из которых он складывается, но которыми не покрывается, подобно тому, как невозможно построить кирпичное здание, не пользуясь кирпичом; однако особенности архитектуры здания нельзя объяснить, исходя из анализа особенностей кирпича.

Изложенный взгляд отстаивает действительное единство физиологического и психического (невозможность последнего без первого) и в то же время подчеркивает специфику психического.

В силу приведенных соображений кажется более разумным говорить не о «физиологических основах» того или иного психического явления (ибо термин «основы» есть порождение психофизического параллелизма), а о физиологических компонентах психического акта.

Возьмем самый простой пример. Никто не станет оспаривать реальность такого ощущения, как боль, ни попробуйте исчерпывающим образом выразить его в терминах физиологии. Несомненно, это явление включает в себя и возбуждение, и торможение, и индукцию, и т. д., но его специфика (то есть то, что его отличает от других явлений) не поддается описанию в терминах физиологии.

Но если нельзя перевести на язык физиологии столь простое явление, то что же говорить о более сложных, например, о таких, как интерес, понимание, мышление и другие. Все это явления особого порядка, явления психические.

Теперь возникает вопрос: в чем же состоит сущность психического, его специфика? Почему сторонники психофизического параллелизма проглядели специфику психического? Как ни странно, но один из параллелистов дает на это ответ.

Говоря о причине слез, Титченер рассуждает так: «Известные возбудители оказывают воздействие на тело; они вызывают в теле, и особенно в нервной системе, известные физические изменения. Эти изменения обуславливают выделение слез. Это и будет *исчерпывающим описанием опыта, когда он мыслится независимо от переживающего его индивидуума*» (Э. Б. Титченер. Учебник психологии. Ч. 1, стр. 12. Разрядка моя. — А. Р.). Последняя фраза является для нас самой интересной. Именно в этом положении вся суть параллелизма. Этим высказыванием утверждается возможность игнорировать субъект, который испытывает то или иное воздействие со стороны.

Разумеется, такое положение нелепо: оно противоречит не только принципам биологии, но и здравому смыслу. Животный организм никогда не может быть безразличен к тем воздействиям, которые оказывает на него среда. Он реагирует строго в зависимости от субъективной значимости (то есть значимости для субъекта) того или иного явления. С другой стороны, важнейшим стимулом его деятельности является наличие потребностей.

То, что сознательно проглядел параллелизм, должно стать одним из важнейших принципов монистической психологии, именно *субъективный* характер *психической* деятельности.

Тут-то и возмутятся больше всего наши оппоненты, ибо для них нет ничего страшнее слова «субъект».

Итак, что такое субъект? Что такое субъективность?

Субъективность психики многими понимается, на наш взгляд, совершенно неверно. Субъективность прежде всего рассматривается как познавательная категория и даже как обязательное отклонение от объективного. Суть субъективности психики (такова, собственно, конечная мысль всякого критика «субъективизма») состоит в непременном якобы искажении субъектом объективной сущности явления. Поэтому ведь и достается больше всего субъективности.

Сторонники этого взгляда отрицают способность субъекта правильно отражать объективную реальность. Но, заявляя это, «объективисты», сами того не замечая, чрезвычайно «возвышают» субъект, наделяя его такими свойствами, как свобода воли. В самом деле, если субъект настолько способен искажать, значит он не зависит от объективного мира, значит, он свободен в своей деятельности, обладает свободой воли. Как это ни парадоксально, но именно «объективисты» выше других «поднимают» субъекта.

Следовательно, мы должны не бояться особенностей субъективного отражения мира, а, наоборот, интересоваться тем, как отражает субъект явления объективного мира, что он думает по тому или иному [178] поводу, что его волнует, чем он интересуется.

Конечно, для биолога лишен интереса, например, тот сугубо субъективный факт, что ребенок, впервые увидевший червяка, закричал: «Мама, муха!». Так же и физику ничего не дадут такие субъективные явления, как неправильные оценки взрослыми веса, расстояния, времени; так же и для профессора-физиолога, объективно оценивающего знания студентов на экзаменах, безразличен тот не менее субъективный факт, что часть материала особенно хорошо запомнилась студенту, а другая часть совершенно забыта или спутана. Все это и очень многое другое, как субъективное, абсолютно безинтересно для биолога, физика, физиолога, но полно интереса для психолога. Именно это и должно интересовать психолога, ибо субъект, личность — вот собственный предмет психологии.

Другое дело, когда речь идет не о том, что надо изучать, а о том, как изучать, то есть о методе. Метод должен быть объективным в противоположность тем субъективным тенденциям (искажение теми или иными учеными фактов, превратное их толкование, поспешные обобщения, нелепые догадки, стремление втиснуть новые факты в прокрустово ложе старых теорий, неадекватные объяснения, игнорирование данных, идущих вразрез с привычными взглядами, и т. д.), которые, однако, могут проявляться далеко не в одной психологии. Субъективизм в этом понимании возможен в любой другой науке. Но почему-то принято особенно критиковать за субъективизм психологию. Мы думаем, что тут допускают очевидную путаницу двух проблем: предмета и метода.

Итак, на вопрос, каким методом изучать психику, отвечаем: объективным. На вопрос, что изучает психология, каков ее предмет, отвечаем: субъект.

Могут возразить, что такой взгляд на психологию сильно усложняет дело, становится гораздо труднее изучать предмет. Но трудность — это отнюдь не аргумент для того, чтобы отказываться от метода, ибо нигде, а тем более в науке, мы не должны исходить из принципа экономии мышления.

Субъект должен рассматриваться не как наблюдатель (часто ошибающийся) за своими физиологическими процессами, а как деятель, преследующий те или иные жизненные интересы и во имя этих интересов адекватно познающий реальный мир.

Под субъективностью же мы должны понимать не известный аспект физиологического, а существенный фактор психического. Знания, имеющиеся у объекта, целиком взяты извне. Субъективность, следовательно, состоит не в отклонении наших представлений от внешней реальности (нормальному человеку незачем искажать картину объективного мира), а в том, что субъект деятельно познает мир.

Самые неполные, самые примитивные знания взяты только извне, и можно предполагать, что простейшие чувства, в узком смысле слова (приятное — неприятное, удовольствие — боль), и представляют собой первоначальные знания непосредственного значения для субъекта предметов реального мира. Два обстоятельства — резкая полярность этих чувств и их сугубо «субъективный» характер — говорят, кажется, в пользу такого предположения.

Подводя итог всем этим рассуждениям, охарактеризуем взгляд монизма на ощущения, чувства и представления. Чувства, ощущения, восприятия и т. д. — это все более расширяющиеся и пополняющиеся адекватные знания субъекта об объективно существующих предметах реального мира. Это познание совершается при условии (но не по причине) протекания тех или иных физиологических процессов, которые, в свою очередь, возможны при условии (по опять-таки не по причине) протекания тех или иных химических процессов и т. д.

Мы установились кратко на отдельных вопросах связанных с перестройкой психологии, как самостоятельной науки, развитие которой имеет большое практическое значение. [:179]